

В итоге Кунтин приказал своим людям поддаться, и Цзяи одержал в том поединке совершенно нелепую победу.

А виной всему были те странные варианты выбора.

Цзянь Хуай мрачно размышлял о своей вынужденной покорности. Какое ему дело до того, выживет этот ребенок или умрет? Но тот случай послужил уроком: в этом мире правят неведомые законы, способные подчинить даже его собственное тело.

Это чувство бессилия вызывало у него лишь отвращение. Стиснув зубы, Цзянь Хуай холодно усмехнулся.

После того случая Кунтин буквально приклеился к нему. Он то и дело навещал поместье Кеннетов, приглашал Цзянь Хуая на прогулки или зазывал в Розовое поместье семьи Эдгар. Кеннет был очарован юношей: Кунтин казался ему образцом благородства и открытости, и он всячески поощрял эту дружбу.

Не желая видеть тревогу в глазах Кеннета и Лилиан, Цзянь Хуай часто уступал и уходил с Кунтином. Со временем он привык к мелькающим перед глазами окнам выбора. Ситуации были разными: иногда пустяковыми, иногда — решающими вопрос жизни и смерти.

Путем проб и ошибок он уяснил правила этой игры. Если он сопротивлялся итоговому выбору или пытался поступить вопреки ему, на него обрушивалась невидимая ментальная атака, а в худшем случае — он полностью терял контроль над собой.

Его решения меняли судьбы.

Так Цзяи, который должен был проиграть или вовсе погибнуть в том поединке на копьях, был признан Эдгаром и оставлен в семье на правах младшего сына. Спустя годы он превратился в рослого, немногословного мужчину, безмолвной тенью следовавшего за отцом и старшим братом.

Облаченный в парадный костюм, Цзянь Хуай шел рядом с Кеннетом сквозь залитый светом хрустальных люстр банкетный зал. Эдгар, хозяин вечера, радушно поприветствовал гостей, а Кунтин, чьи изумрудные глаза горели при виде Цзянь Хуая, шагнул вперед и крепко обнял его.

— Мы не виделись целую вечность, Нил. Я так скучал, — прошептал он на ухо.

Его горячее дыхание коснулось мочки уха, вызывая у Цзянь Хуая неприятный зуд.

Повзрослевший Кунтин был невероятно хорош собой: каштановые вьющиеся волосы рассыпались по плечам, черты бледного лица стали четче и глубже. Под тонкими, изящными бровями сияли миндалевидные глаза, в которых, казалось, плескалась сама нежность.

Он прижался щекой к лицу Цзянь Хуая, не желая отстраняться.

— Отпусти, — холодно бросил тот, чувствуя его дыхание на своей коже.

Кунтин, не желая злить его, послушно разжал руки, напоследок коснувшись его волос. Он еще мгновение потирал кончики пальцев, словно смакуя шелковистость прядей и тонкий, прохладный аромат, исходивший от юноши.

Пока Кеннет и Эдгар обменивались любезностями, Цзянь Хуай внезапно почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он поднял глаза, но увидел лишь склоненную голову. Это был Цзяи. Тот хилый, жалкий ребенок вырос в настоящего гиганта, полную противоположность Кунтину.

Если Кунтин был воплощением статной красоты, то Цзяи казался опасным и свирепым. Он выглядел старше своих лет — угрюмый, мощный и пугающе молчаливый. Этот юноша предпочитал оставаться в тени, не привлекая лишнего внимания. У него были такие же каштановые волосы, как у отца, но он не носил их длинными, как диктовала мода, а стриг коротко и небрежно. Впрочем, даже опущенная голова не могла скрыть его суровое, словно высеченное из камня лицо. Волевой подбородок, густые ресницы, скрывающие черные, как ночной омут, глаза, и плотно сжатые губы, выдававшие скрытое напряжение.

Он стоял за спинами Эдгара и Кунтина, точно черное отражение.

Бал гремел, гости в упоении кружились в танце или поднимали бокалы, и лишь Цзяи по обыкновению застыл в углу. Сжимая бокал с алым вином, он безучастно наблюдал за всеобщим весельем.

Кунтин не отходил от Цзянь Хуая ни на шаг. Положив руку ему на плечо, он вполголоса представлял проходящих мимо людей:

— Нил, ты уже взрослый, пора вливаться в круг. Ты ведь наследник Кеннетов. — Он указал пальцем в толпу. — Тот рыжий — Дэс, наследник семьи Ванэ. А вон тот, со светлыми волосами — Альдже, младший сын Мондра.

— А тот, черноволосый? — спросил Цзянь Хуай.

В Королевстве Западных Земель люди с черными волосами были редкостью. За всю жизнь Цзянь Хуай встречал лишь двоих: себя и своего отца.

Не дождавшись ответа, он с недоумением взглянул на Кунтина. Тот нахмурился, явно недовольный. Его взгляд привлек внимание группы молодых людей, и те направились к ним.

— М?

— Его зовут Зэнь, — нехотя пояснил Кунтин. — Их семья недавно перебралась в Королевство Западных Земель, мелкий род. Я его не приглашал.

— Эй, Кунтин! — Дэс Ванэ первым подошел к ним. — Что это за красавчик рядом с тобой? Почему мы его раньше не видели? — Он многозначительно подмигнул. — Наш малютка Зэнь сейчас просто лопнет от зависти.

Взгляд Кунтина стал ледяным. Альдже Мондра мгновенно уловил перемену настроения и оттеснил Дэса плечом:

— Дэс вечно несет чепуху, не обращайтесь внимания. — Он протянул руку. — Я Альдже Мондра. Могу я узнать ваше имя?

— Приятно познакомиться, господин Мондра. Я Нил Кеннет, — Цзянь Хуай покосился на Кунтина, давая понять, чтобы тот убрал руку с его плеча, и ответил на рукопожатие. — Господин Дэс Ванэ, и вам доброго вечера.

— Наследник Кеннет, я Зэнь Брюс, — черноволосый юноша с улыбкой шагнул вперед. — Простите за мою дерзость, господин Кунтин. Я так хотел лично поздравить вас, что умолил Дэса взять меня с собой. — В его глазах, устремленных на Кунтина, читалась неприкрытая страсть и обожание. Он подошел еще ближе. — Прошу, накажите меня за самовольство.

— Раз уж тебя привел Дэс, пусть он и развлекает тебя на этом празднике, — в голосе Кунтина прозвучало явное раздражение.

Поняв, что хозяин не в духе, Зэнь благоразумно отступил, но успел шепнуть Кунтину что-то на ухо. Голос был настолько тихим, что даже Цзянь Хуай, стоявший вплотную, ничего не разобрал.

— Он влюблен в тебя? — безучастно спросил Цзянь Хуай, когда гости разошлись.

Кунтин с интересом заглянул ему в глаза.

— У меня никогда не было недостатка в поклонниках. — Он неспешно накрутил на палец локон Цзянь Хуая и поднес его к губам. — Но в моем сердце есть место только для моего Нила. Неужели ты ревнуешь, малыш?

— Ты слишком много на себя берешь, Кунтин. — Цзянь Хуай заметил, что располневший Эдгар подает им знак. — Ты главный герой вечера, пора на сцену.

— Жди меня, Нил, — бросил Кунтин. — Обязательно выпей за мой успех.

Он поправил костюм, убедившись, что выглядит безупречно, и направился к отцу.

Цзянь Хуай вытащил шелковый платок и принялся методично вытирать пальцы.

— Господин Кунтин очень обаятелен, не так ли? — Зэнь незаметно вырос рядом. — Вы, господин Нил, должно быть, очень расчетливый человек. Знаете, как он к вам относится, пользуетесь его покровительством, но сами не даете ничего взамен.

— Ты совершенно прав.

Цзянь Хуай прекрасно понимал, что Кунтин одержим им. Он знал, что тот исполнит любую его прихоть, но не чувствовал к нему ничего. Само понятие «любовь» было ему чуждо.

— Но разве Кунтин этого не понимает? — Цзянь Хуай с иронией взглянул на юношу, видя его жгучую обиду. — Ему просто нравится сам процесс.

В глазах Кунтина он был добычей, трофеем. И когда терпение этого хищника иссякнет, он сорвет маску благородства и растерзает его. Но Цзянь Хуай не чувствовал страха. За эти годы он окончательно убедился, что не принадлежит этому миру. Его заставили играть здесь роль, он лишь актер среди тысяч других. Для него всё это — и он сам, и Кунтин, и все присутствующие — не более чем персонажи в скучной игре.

— Я люблю господина Кунтина, люблю до безумия, — Зэнь не сводил глаз с Кунтина, который на сцене поднимал бокал, бросая на него предостерегающие взгляды. — Заклинаю вас, Нил, не смейте влюбляться в него.

Цзянь Хуай проигнорировал его слова. Пригубив вино, он небрежно бросил:

— У нас с тобой слишком мало общего.

Чувства этого мальчишки казались ему нелепыми. Кунтин был всего лишь подонком с красивым лицом. А сам Цзянь Хуай, водящий дружбу с подонком, тоже вряд ли заслуживал звания праведника.

Он осушил бокал до дна.

К концу банкета гости начали расходиться. Кеннет, объявив о том, что Кунтин официально принимает главенство над родом Эдгар, уехал раньше по делам. Цзянь Хуай проводил отца и остался в поместье.

Захмелевший Кунтин крепко держал его за руку, обдавая запахом вина.

— Не уезжай сегодня, прошу, — он уткнулся лицом в плечо Цзянь Хуая, едва касаясь губами его бледной шеи.

Его рука по-хозяйски легла на тонкую талию юноши, притягивая того к себе.

— Прощу тебя, — хрипло шептал Кунтин, — останься. Отпразднуй это со мной, малыш.

Он попытался поцеловать его. Они сидели на огромном мягком диване, втиснутые друг в друга. Глаза Кунтина влажно блестели от алкоголя, он, точно ядовитый змей, обвивал Цзянь Хуая, нашептывая бесконечные признания, слизывая капли с его пальцев.

— Ты пьян, — холодно заметил Цзянь Хуай, не пытаясь вырваться.

— Ха-ха, — рассмеялся Кунтин. — Ты же знаешь, что нет. Я просто говорю то, что думаю.

Цзянь Хуай отстранился и, достав платок, принялся с брезгливостью стирать влажные следы со своей кожи. Кунтин, отброшенный на спинку, развалился на диване, не заботясь о приличиях.

— Нил, когда же ты наконец станешь моим?

Цзянь Хуай молча очищал пальцы. Его руки в свете ламп казались выточенными из фарфора — хрупкие, с едва заметными синими жилками под тонкой кожей.

— Как-нибудь потом. — Он подозвал слугу и небрежно бросил ему платок: — Выбрось.

— Ладно, любовь моя. Знаешь ведь, я не хочу принуждать тебя, — Кунтин даже не пытался скрыть своего возбуждения. — Придется мне самому справляться.

Он поднялся, отвесил изысканный поклон и проводил гостя в отведенные покои.

Цзянь Хуай столько раз ночевал в этом поместье, что знал его не хуже собственного дома. Ночь была великолепна: на темном, бездонном небе сиял перевернутый серп луны, заливая мир мертвенно-бледным светом.

После ванны Цзянь Хуай, облаченный в черный шелковый халат с золотым шитьем, сел в кресло у окна. Он достал сигарету с резного столика и вдохнул знакомый аромат табака Юньси — это немного успокаивало. Свет он не зажигал. Огонек зажигалки на миг осветил его лицо, и сизый дым медленно поплыл к потолку.

Луна освещала край сада с алыми розами. Из открытого окна доносился ночной ветерок и едва слышные, похожие на плач стоны. Там, у подножия каменной колонны, в тени сада, кто-то всхлипывал.

У Цзянь Хуая было отличное зрение. Он видел в лунном свете лицо Зэня — оно горело лихорадочным румянцем, на нем застыла смесь восторга и боли, а по щекам катились слезы. Кунтин, всё еще в парадном костюме, выглядел безупречно. Его сильные руки вцепились в тонкую талию юноши, прижимая того к себе.

[Кунтин опьянен властью, в нем пробуждаются амбиции и жестокость, которую он вымещает на беззащитном Зэне]

[Дорогой Нил, твой выбор...]

[Вариант выбора 1: Вмешаться]

[Вариант выбора 2: Игнорировать]

В ночной тиши Кунтин казался пугающим воплощением похоти. Лицо Зэня выражало полное самозабвение: боль, которую причинял ему этот человек, приносила и острое наслаждение. Это был его выбор — остаться, встретиться с ним в ночи, принять всё, что тот предложит.

Цзянь Хуай не верил, что Зэнь оценит его вмешательство. Он лишь наблюдал за парой в саду, вспоминая, как юноша уверял его в своей безумной любви.

Склонив голову набок, он едва слышно прошептал:

— Доброй ночи.

Слова растаяли в воздухе.

Кунтин, словно почувствовав что-то, вскинул голову. Он посмотрел на окно Цзянь Хуая, где в порывах ветра колыхалась занавеска, за которой скрывался силуэт его многолетней страсти. Кунтин слизнул с губ капли крови, отдающие железом. Его изумрудные глаза горели диким, хищным желанием.

Цзянь Хуай спал крепко.

Когда он проснулся, солнце уже стояло высоко. Плотные шторы сдерживали основной напор

дневного света, но несколько лучей всё же прокрались в комнату. Они, точно жаркие ладони, коснулись его кожи, покрывая её невидимыми поцелуями. Рука Цзянь Хуая свесилась с кровати.

В момент пробуждения по телу пробежала легкая дрожь — странное, мимолетное ощущение чужого тепла. Он глухо застонал и открыл свои льдисто-голубые глаза. Сев на кровати, он привычным жестом поправил ворот халата, достал сигарету и закурил. Огонек мерцал в полумраке. Сделав несколько затяжек, он окончательно пришел в себя и затушил окуроч в хрустальной пепельнице.

Босыми ногами он бесшумно спрыгнул на пол. Застыв у окна в раздумье, он резким движением раздвинул шторы, впуская в комнату ослепительное сияние.

Цзянь Хуай коротко усмехнулся. Сбросив ночной халат, он оделся. Длинные прямые волосы послушно легли на спину. Солнечный свет, словно жадный язык пламени, лизал его тело, будто пытаясь выжечь дотла.

Когда он спустился к завтраку, в столовой был только Кунтин. Слуга тут же отодвинул для Цзянь Хуая стул.

Кунтин уже закончил трапезу. Опершись подбородком на руку, он с мягкой, вкрадчивой улыбкой наблюдал за тем, как гость приступает к еде.

— Мой отец больше не вернется в Розовое поместье, — сообщил он. — Он забрал своих любовниц и отправился путешествовать по континенту. Теперь я полноправный хозяин этого дома. Скажи, Нил, не хочешь ли ты стать его вторым хозяином?

— А где Цзяи? — Цзянь Хуай проигнорировал вопрос, спросив о младшем брате.

— Цзяи уехал, — небрежно бросил Кунтин. — Как глава семьи, я выделил ему отдельный дом. Пора бы ему уже повзростеть.

Закончив завтрак, Цзянь Хуай вежливо откланялся. Вчерашнего мальчишки нигде не было видно, но он не стал спрашивать о нем, сделав вид, будто ночная сцена ему пригрезилась.

Сердце из камня. Возможно, именно это про него и говорили.

Цзянь Хуай едва заметно улыбнулся.